

ЗАМѢТКИ О ЗЫРЯНАХЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Зыряне, числомъ до 200,000 обоего пола, живутъ нынѣ осѣдло въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской. Въ какое время они поселились здѣсь и гдѣ обитали ранѣе — положительно неизвѣстно. Какъ народъ, не ознаменовавшій бытія своего никакими историческими памятниками и наслѣдовавшій отъ предковъ и грубые нравы, и вѣковые предрасудки, и мирную безопасность невѣжества, — Зыряне не имѣли историка, который передалъ бы намъ первобытное ихъ состояніе, постепенное развитіе, значеніе между народами соседственными и самыя условія общежитія. Неимѣніе историческихъ данныхъ причиною того, что происхожденіе Зырянъ осталось и до сихъ поръ загадочнымъ: не подтвержденное достоверными фактами, а основанное на темныхъ разногласныхъ преданіяхъ, оно, вѣроятно, вмѣстѣ съ письменностію Зырянъ, затеряно въ вѣкахъ минувшихъ, — и безпристрастный историкъ, желая раскрыть истину въ этомъ важномъ процессѣ, не иначе можетъ доискаться ея, какъ только по филологіи языковъ сѣверныхъ, критически сличая ихъ формы; потому что Зыряне, — какъ увидимъ далѣе, — искони населяли сѣверъ Россіи и сѣверо-западъ Сибири: такъ сначала обширно было это, нынѣ почти угасающее, поколѣніе! Мнѣнія ученыхъ, писавшихъ о происхожденіи Зырянъ, противорѣча одно другому, очень мало поясняютъ это темное мѣсто въ исторіи народа, какъ имѣющія основаніемъ однѣ догадки и предположенія, лишеныя строгой

вѣроятности *. Согласить противорѣчія писателей мы не беремъ: это заняло бы довольно мѣста въ тѣсныхъ предѣлахъ нашихъ замѣтокъ и на много отвлекло бы насъ отъ изложенія собственнаго мнѣнія о происхожденіи Зырянъ.

Появленія Зырянъ въ историческомъ мѣрѣ нельзя опредѣлить съ хронологическою точностію. Древній нашъ лѣтописецъ Несторъ, перечисляя племена, населявшія въ его время сѣверъ Россіи, нигдѣ не говоритъ о Зырянахъ. Въ лѣтописи его читаемъ: «а ес. суть ниніи языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Вель, Мурома, Черемнсь, Мордва, Заволочская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра или Югра, Литва, Зимгола, Корсь, Нарова, Либъ; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полуночныхъ»**. Вѣроятно, Зыряне извѣстны были тогда подъ однимъ изъ этихъ племенъ: Заволочскою Чудью, Пермью, Югрою и Печерою (потому что большая часть мѣстъ и самая рѣка, близъ которыхъ жили эти сосѣдственныя и, безъ всякаго сомнѣнія, родственныя племена, носятъ Зырянскія названія), — и тѣмъ ближе подъ именемъ послѣдней, что нынѣ нѣтъ народа Печерскаго, и что по рѣкѣ Печерь съ давнихъ временъ обитаютъ Зыряне. Новгородская вольпица — ушкуйники еще до X вѣка посѣщали мѣста, занимаемыя этими племенами; изъ хартій Новгородскихъ посадниковъ видно, что Печерой они называли всю земли, лежащія въ нынѣшнихъ уѣздахъ Устьсысольскомъ, Яренскомъ и отчасти Сольвычегодскомъ, т. е. всю тѣ земли (кромѣ послѣдняго), гдѣ нынѣ преимущественно живутъ Зыряне.

Не вдаваясь въ произвольныя гипотезы о происхожденіи Зырянъ, мы, чтобъ осязательнѣе доказать справедливость нашего мнѣнія, обратимся къ вѣкамъ давномину-

---

* Г. Булыгинъ, Профессоръ Казанскаго Университета, полагаетъ Зырянъ выходцами съ Кавказа (Ж. М. Н. П. 1836 г.); Шафарикъ, въ Слав. народописаніи, говоритъ, что они отрасль Чуди.

** Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, изданное по Высоч. повел. Археографич. Коммиссіею.

шимъ , бросимъ критическій взглядъ на древнѣйшую этнографію пустыннаго сѣвера Россіи. — Лейбницъ , Байеръ , Тунманъ , Гроцій и другіе историки , основываясь на достовѣрныхъ Латинскихъ и Греческихъ писателяхъ , населяютъ его въ глубокой древности Финнами. Гердеръ и Клапротъ утверждаютъ , что этотъ народъ за долго до Р. Х. обиталъ уже въ Россіи , въ мѣстахъ , прилежащихъ къ Уральскому хребту , откуда былъ вытѣсненъ Готами , и разсѣявшись отъ Урала на западъ и сѣверъ , приближался болѣе и болѣе къ послѣднему , гдѣ , свыкшись съ суровостію климата , жилъ беззаботно , занимаясь звѣриною и рыбною ловлею. Тацитъ говоритъ : «Финны обитаютъ въ сосѣдствѣ съ Венетами , въ полунощной Европѣ ; не имѣютъ ни домовъ , ни коней , ни оружія ; рыба , коренья и травы служатъ имъ пищею , а звѣринныя кожи одеждою ; они угрюмы и безпечны ; не столько боятся гнѣва боговъ , сколько рабства и неволи : счастливая независимость есть рѣдкое и единственное ихъ благо въ мірѣ.» Этотъ правоописательный очеркъ Финновъ , за столько вѣковъ сдѣланный Тацитомъ , въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ живо характеризуетъ кореннаго Зырянина , что этотъ послѣдній кажется не побочнымъ потомкомъ , а болѣе роднымъ братомъ Тацитовскимъ Финнамъ , — такъ мало подвинули Зырянина впередъ цѣлыя столѣтія . Очень естественно , что Финны , разселившись на такомъ великомъ пространствѣ , можетъ быть вслѣдствіе бурныхъ переворотовъ и междоусобныхъ браней , раздѣлились на разныя племена , которыя , еще подраздѣлившись , пустили отъ себя мелкія отрасли ; но какъ тѣ , такъ и другія удержали основныя формы кореннаго языка , не измѣнили нравовъ и обычаевъ своихъ предковъ . Сравнивая языки Зырянъ и Финновъ , дѣйствительно , мы замѣчаемъ поразительное сходство въ словахъ того и другаго , и тѣмъ болѣе убѣждаемся въ родственности этихъ народовъ , что нравы и обычаи ихъ совершенно сходны между собою . Доказать же это родство очевидными фактами , историческими указаніями для насъ нѣтъ возможности , потому что для этого необходимо прослѣдить всѣ народы , обитавшіе на

сѣверъ Европы и Азіи, сравнить ихъ по языку, образу жизни, нравамъ, обычаямъ и другимъ отношеніямъ. Предоставляя этотъ важный трудъ людямъ съ глубокимъ знаніемъ и многоразличными средствами, позволимъ себѣ одно предположеніе, основанное на филологіи, и для того обратимся къ языку Зырянъ, и въ особенности къ названію, подъ *кимъ* они вообще извѣстны и *какое* сами даютъ себѣ въ отличіи отъ прочихъ народовъ. Исторія указываетъ, что сѣверъ Россіи и Сибири былъ населенъ многими разноплеменными народами, происшедшими отъ Финновъ; но о ближайшемъ средствѣ этихъ племенъ не предлагаетъ она положительныхъ данныхъ. При такомъ недостаткѣ средствъ къ изслѣдованію происхожденія народовъ, самое лучшее пособіе, хотя слабое, филологія.

Нарицательное «Зыряне» — неизвѣстно кѣмъ и въ какомъ смыслѣ данное народу, — если разобрать его этимологически, можетъ повести къ разнымъ толкамъ о минувшей судьбѣ этого племени. Глаголы: «зырны и зырсины» значать: тѣснить, вытѣснять, вторгаться, заступать мѣсто другаго. Отсюда заключаемъ, что Зыряне были или вытѣснены, прогнаны откудѣ-то и кѣмъ-то, или же сами кого-нибудь вытѣснили и заняли его мѣсто, и, согласно съ своимъ положеніемъ, получили названіе, оставшееся при нихъ донынѣ: вытѣсненныхъ, или же вытѣснившихъ. Последнее предположеніе намъ кажется вѣроятнѣе, потому что первобытные жители губерній Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской назывались *Чудью*, * вытѣснивши которую, Зыряне заняли ея мѣсто. Въ глубокой древности Біармія или Пермь, которую составляли эти губерніи, по свидѣтельству Отера, Норвежскаго мореходца, приплывшаго въ IX вѣкѣ къ устью С. Двины, была населена уже разными племенами народовъ, корнемъ которыхъ онъ утвердительно называетъ Финновъ. ** Въ XI вѣкѣ Пермь, Югра

* Двинскій лѣтописецъ и Шафариково Славянское народописаніе.

** Форстера: *Geschichte der Entdeckungen in Norden.*

и Печера платили дань Новгородцамъ, — этимъ смѣлымъ и предприимчивымъ въ древности искателямъ славы и богатствъ. На берегахъ Двины въ это время, по сказанію Исландцевъ, существовалъ богатый торговый городъ — *Гольмгардъ*, славный по ярмаркѣ, на которую пріѣзжали купцы Скандинавскіе и Новгородскіе. Въ Гольмгардъ Норвежскіе купцы Тореръ и Карлъ, посланные для торговли въ Біармію самимъ Королемъ Олофомъ, современникомъ Ярослава, ограбили кладбище и обокрали Финскаго идола *Юмалу*. Названіе этого божества чисто Зырянское; по-Русски *Юма* значитъ: старая, сварливая, неуклюжая женщина, подъ видомъ которой изображалось, какъ извѣстно, это карающее, грозное божество. Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, когда хотятъ указать на злую, безобразную старуху: «*юма баба кодъ льокъ*» — сердита, зла, какъ юма. Очень можетъ быть, что, до принятія христіанской вѣры, Зыряне боготворили идола *Юмалу*, — въ чемъ убѣждаетъ насъ и темное народное преданіе о богахъ языческихъ этого народа; а однакая вѣра, выражающаяся въ почитаніи однихъ и тѣхъ же идоловъ у племенъ, хотя разныхъ названій, даетъ весьма близкое понятіе о ихъ сродствѣ...

Зыряне сами себя называютъ: *Коми*, *Коми-мортъ* и *Коми-войтыръ*; последнее названіе употребляется тогда, когда говорится обо всемъ народѣ, а первыя два при обозначеніи одного лица. Кто ты? — спросите Зырянина, и онъ отвѣтитъ: *ме Коми или Коми-мортъ*; а отъ чего онъ такъ себя называетъ и какъ переводится слово *Коми* по-Русски, — ни одинъ не объяснитъ этого. На языкъ ихъ такого слова нѣтъ, или значеніе его утрачено. Многіе, основываясь на одномъ только созвучіи, производятъ его отъ *Камы* (р. въ Перм. губ.) и отсюда предполагаютъ, что Зыряне жили прежде по этой рѣкѣ, съ береговъ которой были вытѣснены какими-то пришельцами... Не Болгарами ли? Извѣстно, что Камская Болгарія занимала юго-восточные предѣлы нашего государства. Но эта гипотеза совершенно уничтожается значеніемъ словъ — *Коми-войтыръ*, которыя выражаютъ собою не собственное имя народа, а мѣсто, занимаемое по-

слѣднимъ. Вой—ночь, сѣверъ, а тырь—полонь; ближайшее значеніе словъ Коми-войтырь будетъ: Пермскій народъ, обитающій въ холодномъ климатѣ, наполняющій сѣверный край. Такимъ образомъ слова: ме Коми, Коми-мортъ и Коми-войтырь мы переводимъ — я Пермякъ, Пермякъ — человекъ и Пермскій народъ, и при этомъ ссылаемся на достовѣрные факты, свидѣтельствующіе, что по Камь, во времена Нестора, обитало многочисленное племя Пермь, остатокъ котораго, подъ именемъ Пермяковъ, населяющій сѣв. часть Пермской губерніи, называетъ себя Коми или Коми-мортъ. Зыряне всю Пермскую губернію называютъ: Комму — Пермская область, земля; отсюда, думаемъ, надобно производить названіе Коми, даваемое себѣ Зырянами. Нынѣшніе Пермяки въ образъ жизни, нравахъ и обычаяхъ совершенно сходны съ Зырянами; въ разговорѣ, однакожь, мало понимаютъ другъ друга, хотя въ языкъ обоихъ народовъ есть много словъ, выражающихъ одни и тѣ же понятія; причиною этому значительное пространство, ихъ разделяющее, и рѣдкія сообщенія между собою. Слѣдов. имена — Зырянинъ и Пермякъ, соединяющіяся въ названіяхъ Коми, Коми-мортъ и Коми-войтырь, тождественны; въ Вятской губерніи и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ, дѣйствительно, Зырянъ называютъ Пермяками, по сходству нарѣчій этихъ народовъ.

Зырянскія названія рѣкъ и деревень, находящихся въ сѣверной Европейской и Азіатской Россіи, прямо наводятъ на мысль, что Зыряне прежде были многочисленны. Судя по этимъ названіямъ, во множествѣ встрѣчаемымъ какъ на сѣверо-востокъ Россіи, такъ и на сѣверо-западъ Азіи, Зыряне населяли отъ сѣвера къ югу все мѣста отъ устья рѣки Печеры до начала Сѣв. Двины и даже по Сухонь, а отъ запада на востокъ — отъ Колы до восточныхъ границъ Сибири. Столь огромное пространство, ими занимаемое, и отъ того, естественно, рѣдкія между собою сообщенія, способствовали подраздѣленію ихъ на мелкія племена, изъ

конхъ назовемъ Вогулнчей, Вотяковъ, которыя, современсмъ, удалившись отъ своего кореннаго языка, стали забывать его основныя формы, отличаться одинъ отъ другаго въ названіи предметовъ, небывалыхъ дотолъ въ ихъ быту. Это подразделение даетъ поводъ ко мнѣнію, что мелкія племена, живя отдѣльно и не имѣя никакого понятія о гражданственности, часто ссорились, тѣснили другъ друга : глаголы — Зырянны и Зыршны служатъ опорой предположенія, что распри, вообще свойственныя народамъ грубымъ, были главною причиною утраты тѣхъ фактовъ, на которыхъ основывается первоначальная исторія каждаго народа. До сихъ поръ не найдено еще ни одного источника, который сколько-нибудь раскрылъ бы первобытное состояніе Зырянъ.

На страницахъ исторіи Зыряне, подъ этимъ именемъ, являются въ половинѣ XIV стол., когда св. Стефанъ началъ проповѣдывать имъ истины христіанской религіи. Они жили тогда осѣдо, занимались земледѣіемъ, звѣринными и рыбными промыслами, и, бывъ зависмы отъ Новгородца, а потомъ отъ Москвы, платили имъ дань пушными товарами, богатствомъ которыхъ эти города прежде такъ славились. Отважныя шайки Новгородскихъ ушкуйниковъ, еще до временъ Рюриковыхъ, — какъ полагаютъ нѣкоторые, — завоевали большую часть мѣстъ, принадлежавшихъ Зырянамъ, куда привлекало ихъ изобиліе дорогой рухляди и самая дешевизна туземныхъ товаровъ. * Въ началѣ XI вѣка: они обложили данью обитателей по р. Печерь и народъ Югорскій, а въ 1193 г. ходили въ Угрію съ многочисленною дружиною, подъ начальствомъ воеводы Андрея, за серебромъ и соболями, — обыкновенною данію, которую несправно платили Князья Югорскіе. ** Этотъ походъ Новгородцевъ замѣчательнъ тѣмъ, что они шли въ Угрію по новой дорогѣ, еще въ 1093 г. проложенной Зырянами, ко-

* Записки Лепехина, Т. IV, и Крестина: Начертаніе исторіи Холмогоръ.

** Путешествіе Палласа Ч. III, стр. 572.

торая и называлась Зырянскою; она шла вдоль Вогулки до Савы и служила сообщеніемъ между народами сѣверо-восточной Россіи и Сибири. * Эта дорога важна въ исторіи Зырянъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о торговлѣ ихъ съ народами Сибирскими. — Великіе Князья Московскіе, начиная съ І. Д. Калиты, постоянно обращались къ Новгородцамъ, съ требованіями добровольно дѣлиться сокровищами Перми и Сибири, и когда получали отказъ, то вооруженною рукою, хотя и не всегда успѣшно, принуждали ихъ уступать часть дани, собираемой въ Заволочьѣ, Печерь и Угрѣ: потому что казна великокняжеская, истощаемая частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, была слишкомъ бѣдна, по стеченію бѣдственныхъ обстоятельствъ государства. Д. І. Донской, то хитрою политикою, то оружіемъ, привелъ Новгородъ со всѣми его обширными завоеваніями въ зависимость отъ Москвы, и съ сего времени Зыряне были данниками болѣе Москвы, чѣмъ Новгорода. Россіяне, довольные пушными товарами, исправно ими платимыми, не принуждали ихъ къ перемѣнѣ религій.

Монахъ Ростовскаго Григорьева монастыря Стефанъ, сынъ соборнаго Устюжскаго причетника, воспламененъ ревностію быть Апостоломъ этихъ идолопоклонниковъ. Чтобъ яснѣе и вразумительнѣе передать имъ истины христіанской вѣры, онъ, готовясь на трудный апостольскій подвигъ, сначала изучилъ языкъ Зырянъ, составилъ для него особенную азбуку и перевелъ нѣсколько важнѣйшихъ богослуженныхъ книгъ. Сперва приготовивъ самого себя для проповѣди Слова Божія, Стефанъ отправился въ Москву просить благословенія на подвиги у Коломенскаго Епископа Герасима, правившаго тогда Московской Митрополіею, который, провидя въ немъ просвѣтителя Перми, снабдилъ его, на случай освѣщенія церквей, частицами мощей святыхъ, муромъ и антиминсами, — а В. Князь Димитрій Іоанновичъ далъ ему

---

* Новгородскій лѣтописецъ и полное собраніе Рус. лѣтописей, изд. по Высш. повел. Археогр. Комиссіею.

для безопасности охранную грамоту. Напутствуемый благодатию Божию, сей новый Апостолъ вскорѣ достигъ земли Пермскія (1576 г.), и остановился въ первомъ Зырянскомъ селеніи Пырась (Котлась), въ 20 верстахъ отъ Сольвычегодска, гдѣ «и нача, яко овча посредь волковъ, посредь «рода строптива и развращенна ходити и проповѣдати Христа «истиннаго Бога, и учити Христовой вѣрѣ.» Вначалѣ нѣкоторые, слыша вѣру, проповѣдуемую на родномъ языкѣ и признавая се истинною, приняли св. крещеніе; но многіе, привязанные къ язычеству и удерживаемые болѣе хитрою лестию чародѣевъ, не только отвергли его проповѣдь, «но «и пакости ему творяху многія: овін бо ругахуся ему, овін «же словесы укоризненными досаждаху, а инніи съ дре«кольми нападаху на него, во еже убити его, друзіи же со«щеши того хотяху, хврастіе же и солому собираху на огонь».... Но Богъ хранилъ проповѣдника на просвѣщеніе тѣхъ, которые въ слѣпотѣ невѣжества не понимали своего заблужденія. Укрѣпляемый въ доблестномъ подвигѣ невидимою небесною помощію, св. Стефанъ съ устья Вычегды перенесъ свою проповѣдь на устье Выми, — въ самый центръ тогдашняго Зырянскаго края, въ средину всей Біарміи. Здѣсь ревностный обличитель идолопоклонства долго боролся съ грубыми предрасудками народа; наконецъ, укротивъ его дикія страсти силою Свѣта Божественнаго, присоединилъ многихъ къ православію. Познавъ ложность языческихъ боговъ, вѣры отцовъ своихъ и могущество истиннаго Бога, они презирали идоловъ и увеличивали число вѣрныхъ, принявшихъ уже крещеніе. Такъ знаменіе вѣры восторжествовало надъ волхвованіемъ, и алтари Богу Всемогущему явились на развалинахъ идольскихъ капищъ! Первая церковь, созданная Стефаномъ, была на устьѣ Выми, въ 70 верстахъ отъ Устьсысольска, внизъ по Вычегдѣ, при коей въ послѣдствіи, по образованіи Пермской епархіи, былъ устроенъ монастырь, гдѣ имѣли мѣстопробываніе Великопермскіе Архіереи. Эту церковь онъ освятилъ во имя Пресвятыя Богородицы, «честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія, въ начатокъ «просвѣщенія земли Пермскія, якоже и Благовѣщеніе спа-

«сенія нашего бѣ начало.» Неутомимо заботясь о духовномъ преспѣваніи юной паствы, Стефанъ учредилъ при церкви училище, въ которомъ самъ былъ первымъ наставникомъ, училъ юношество часослову, псалтири и прочимъ церковнымъ книгамъ, переведеннымъ на Зырянскій языкъ. Въ этой школѣ, для прочнаго утвержденія народа въ вѣрѣ, онъ образовалъ пастырей и учителей изъ самихъ Зырянъ, которые уже въ его время правили словеснымъ стадомъ, ибо богослуженіе, для легчайшаго уразумѣнія истинъ православной религіи, отправлялось на Зырянскомъ языкѣ. Преданіе говоритъ, что Стефанъ сочинилъ заупокойную обѣдню съ панихидой, ** — какъ надобно догадываться, — для успокоенія душъ тѣхъ усопшихъ братій, которые, бывъ просвѣщены христіанскою вѣрою, снова прельщенные волхвами, отступили отъ православія и, современемъ, опять были приобщены къ Христову стаду. Неудивительно, что Зыряне и по принятіи христіанства питали нѣкоторую привязанность къ идоламъ: какъ народъ дикій, они не могли

---

* Въ XVI в. монастырь упраздненъ и церковь обращена въ приходскую. У крестьянъ Устьвымскихъ есть преданіе, что первая церковь, созданная Стефаномъ, была основана престоломъ на пнѣ необыкновенной величины березы, которой предки ихъ будто бы поклонялись и приносили въ жертву дорогіе мѣха. Митрополитъ Евгений, кажется, справедливо замѣчаетъ, что этотъ пень былъ остатокъ огромной ели, потому что Зыряне своихъ предковъ-язычниковъ и нынѣ называютъ *козѣ-лы-юрбитысьясаѣ*—ельниками. Извѣстно, что бѣлка и другіе мелкіе звѣри питаются зернами еловыхъ шишекъ, и чѣмъ больше бываетъ урожай ихъ, тѣмъ болѣе плодятся звѣри; слѣд. еловое дерево приносило счастье звѣроловамъ.

** Академикъ Лепехинъ, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, нашелъ у Зырянъ переводъ только Златоустовской обѣдни, писанный Славянскими буквами, и напечаталъ его вмѣстѣ съ прочими Зырянскими особенностями въ III ч. своихъ записокъ. Этотъ переводъ обѣдни не полонъ; въ немъ недостаетъ ни проскомидіи, ни тайныхъ молитвъ, читаемыхъ священникомъ. Языка этой обѣдни, говоритъ Лепехинъ, никто уже не разумѣлъ изъ Зырянъ, потомули, что она переведена не на Зырянскій а на коренной Пермскій языкъ, или Зыряне, вѣроятно, отстали отъ своего древняго языка.

вдругъ оставить языческихъ обыкновений, которыя льстили ихъ любимымъ привычкамъ, и тайнѣ молили тѣхъ идоловъ, которые прежде, — какъ были увѣрены, — помогали имъ въ ловлѣ звѣрей, птицъ и въ общежитіи. Св. Стефанъ зналъ эту склонность новообращенныхъ сыновъ къ кумирамъ, и, предавъ себя волю Божіей, рѣшился истребить ихъ совершенно. Не страшась мести волхвовъ и закоренѣлыхъ язычниковъ, онъ съ нѣсколькими изъ вѣрныхъ въ скорое время сжегъ кумирницы, идоловъ и даже богатая жертвы, которыми такъ щедро были украшены послѣдніе. Изумленный народъ не смѣлъ защищать своихъ прежнихъ боговъ, но въ душѣ питалъ къ нимъ уваженіе и страхъ; да и самыя чародѣи, потерявъ съ введеніемъ христіанской вѣры выгоды и расположеніе народныхъ умовъ, болѣе и болѣе старались поддерживать грубое суевѣріе собратій. Они съ горестію проливали слезы на пепелищъ кумировъ, но не смѣли поднять руки на человека Божія, сколько изъ боязни за смерть мужа, имѣвшаго грамоты отъ В. Князя, столько же и обезоруживаемые постоянною кротостію проповѣдника, смиреніемъ и самымъ образомъ его жизни: ихъ слезы были послѣднею данію идоламъ. По сожженіи кумировъ св. Стефанъ имѣлъ преніе о вѣрѣ съ главою Пермскихъ чародѣевъ— Памомъ, «его же Пермстѣи людіе, прежде крещенія своего, «почитаху паче всѣхъ волхвовъ, и имѣяху того яко отца и учителя и наставника, вѣрующе управляемой быти того волхвованіемъ всей земли Пермстѣй»....

Побѣжденный въ своихъ мудрованіяхъ и чарахъ, хитрый Памъ, желая устранить святаго, предложилъ послѣднее средство, одобренное народомъ: проидти вмѣстѣ сквозь огонь и воду, но и тутъ, посрамленный, едва не сдѣлался жертвою народной ярости. Тогда большая часть народа, кромѣ упорнѣйшихъ волхвовъ и язычниковъ, видя вѣру отцовъ своихъ попрашною, охотно приняли св. крещеніе, такъ что для утвержденія ихъ въ вѣрѣ недостаточно было одного пастыря, и самая церковь не могла вмѣщать всѣхъ вѣрныхъ. Вскорѣ были построены новопросвѣщенными двѣ

особыя церкви, въ которыхъ, поочередно отправляя богослуженіе, св. Стефанъ* укрѣплялъ словесное стадо въ вѣрѣ, училъ благочестію, наставлялъ на добрыя дѣла. Приверженцы суевѣрія, говоритъ молва народная, удалились отъ проповѣди Стефана въ Удору и за р. Печору, и оттуда вмѣстѣ съ Вогуличами враждовали противъ христіанъ, но недолго: при преемникѣ Стефана, Епископѣ Исаакѣ, иноки Троицкой Печерской пустыни обратили ихъ въ христіанскую вѣру, просвѣтили всѣхъ Зырянъ даже до Пустозерска, и положили основаніе Кеврольскому Воскресенскому монастырю, братія котораго обратили ко Христу жителей Пинежскаго уѣзда*.

Послѣ 7 лѣтъ проповѣди, Стефанъ отправился въ Москву (1383 г.) просить В. Князя и Митрополита, чтобъ дали Епископа новопросвѣщенному народу Пермскому. Возблагодаривъ Бога за пріобрѣтеніе новыхъ чадъ Церкви, Митрополитъ Пименъ, вмѣстѣ съ освященнымъ Соборомъ, за апостольскіе труды хиротонисалъ во Епископа самого проповѣдника, а Вел. Князь, осыпавъ его милостями, съ богатыми дарами отправилъ въ новую епархію. По прибытіи къ своей паствѣ, святитель, имѣя по сану благодать другихъ посвящать для совершенія таинствъ, поставилъ избраннѣйшихъ изъ Зырянъ во іереи и діаконы, построилъ еще нѣсколько церквей съ училищемъ при каждой, создалъ 5 монастырей**, и, въ теченіе 15 лѣтъ своего епископства, заслужилъ вполне имя отца и благодѣтеля народа Пермскаго: помогалъ ему въ нуждахъ; снабжалъ жизненными припасами; защищалъ отъ притѣсненій дикихъ сосѣдей (Вогуличей), Новгородской вольницы и чиновниковъ великокняжескихъ; просилъ объ уменьшеніи налоговъ; былъ ихъ неусыпнымъ стражемъ и миротворцемъ. Въ подтвержденіи

* Исторія Россійской Іерархіи. Т. I и V.

** Два въ Яренскомъ уѣздѣ: Устьвымскій и Архангельскій, и три въ Устьсысольскомъ: Отчинскій, Ульяновскій и Печерскій. Въ настоящее время, кромѣ Устьвымскаго, обращеннаго въ приходскую церковь, прочихъ монастырей даже и слѣдовъ незамѣтно.

дешѣ этого приводимъ «плачь земли Пермскіе о смерти проповѣдника», написанный другомъ его, монахомъ Епифаніемъ :

«Топерво остахомъ добра промысленика и ходатая, иже къ Богу моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а къ Князю «о жалобѣ нашей, и о льготѣ, и о пользѣ нашей; къ боярямъ же, къ началамъ — властелемъ міра сего былъ «намъ заступникъ теплъ, многожды избавляя ны отъ насильій и работы и тивунскыя продажи, и тяжкіи дани облегчая ны. Но п сами тѣи Новгородци, ушкуйницы, разбойницы, словесы его увѣщевани бываху, еже не воевати ны.... «Быхомъ поношеніе сосѣдомъ нашимъ иноязычникомъ: Лопи, «Вогулицамъ, Югрѣ и Пинезѣ.... Еретицы, душегубцы, «разбойницы, иноязычницы Гогуличи (Вогуличи) наступаютъ; «ратъ еретиковъ наступаетъ: а воеводы нѣсть, еже бы ихъ «порокомъ духовнымъ разшибалъ»....

Не знаемъ, когда именно и почему отмѣнено богослуженіе на Зырянскомъ языкѣ; но извѣстно, что въ началѣ XVII в. оно совершалось уже на Славянскомъ. Думаемъ, что это измѣненіе произошло или вслѣдствіе неполноты перевода богослужебныхъ книгъ, или во избѣжаніе недоразумѣній при совершеніи таинствъ, при исправленіи церковныхъ требъ, — или же, что кажется справедливымъ, для повсемѣстнаго однообразія: ибо издревле богослуженіе совершалось у насъ на языкѣ Славянскомъ.

По обширности Церкви Стефановой, которая заключалась въ трехъ уѣздахъ Вологодской губерніи — Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Устьсысольскомъ, должно предполагать, что число язычниковъ, обращенныхъ въ христіанство, было весьма значительно. Въ современныхъ летописяхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко говорится объ основаніи Пермской Церкви и еще тѣмъ менѣе о миѳологіи Зырянъ; а позднѣйшіе историки не отыскивали слѣдовъ затерянныхъ вѣрованій, оставивъ потомству одни темныя преданія касательно прежней религіи Зырянъ. Этотъ любо-

пытный фактъ объяснилъ бы много загадочныхъ мѣстъ язычества Зырянъ, еслибъ уцѣлѣли образцы ихъ письменности и самая азбука Зырянская не была утрачена *.

Въ житіи св. Стефана излагаются болѣе общія черты идолопоклонства Зырянъ: тамъ говорится, что у нихъ были кумирницы, управляемыя чародѣями, куда преимущественно стекался народъ для поклоненія идоламъ, — но какого рода были эти послѣдніе, ничего не объясняется. Почтеніе къ идоламъ было въ высшей степени, не смотря на ихъ многочисленность: не только въ домахъ, но и на перекресткахъ дорогъ, въ поляхъ, на выгонахъ и въ лѣсахъ усердные язычники ставили множество разноименныхъ деревянныхъ и мѣдныхъ кумировъ, которымъ, порознь каждому, приписывали извѣстную силу дѣйствій, и приносили имъ въ жертву дорогія шкуры пушныхъ звѣрей: соболей, бобровъ, лисицъ, выдръ, росомахъ, и др. Эти приношенія считались собственностію идоловъ, и, по продажѣ, употреблялись на ихъ украшеніе. Никто не смѣлъ воспользоваться ими, изъ опасенія лишиться благодѣяній кумировъ, нечаянно быть постигнутымъ лютою болѣзнію, или, — что всего несчастнѣе, — быть неудачнымъ стрѣлкомъ. Въ суевѣрныхъ преданіяхъ Зырянъ открываемъ слѣды грубаго язычества: поклоняясь идоламъ, они почитали и духовъ, имѣвшихъ, по ихъ мнѣнію, сильную власть надъ природою и человекомъ. Такъ, они вѣрили въ бытіе лѣсныхъ, домовыхъ, лѣсныхъ и водяныхъ, описывая ихъ безобразными страшными лицами, созданными на ужасъ человѣчеству; озерамъ и рѣкамъ приписывали нѣкоторую святость, омывая себя въ извѣстное время ихъ водами. — Однакожь, въ самомъ безразсудномъ суевѣрїи, Зыряне имѣли понятіе о Богѣ Вышнемъ,

---

* Митрополитъ Евгеній говоритъ, что пожары, бывшіе въ церквахъ Устьвымскихъ, истребили много Зырянскихъ рукописей. Небольшая часть этихъ рукописей и прочихъ древностей Зырянскихъ, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины II, тщательно была собрана Вологодскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Мельгуновымъ, и отослана въ Эрмитажную библіотеку.

живущемъ на небесахъ, который, по ихъ понятіямъ, печется только о надзвѣздномъ мірѣ, люди же недостойны возсылать къ нему своихъ молитвъ, но должны обращаться съ ними къ чадамъ его — духамъ и идоламъ, управляющимъ землею. Это непостижимое существо называли они общимъ именемъ «Енъ», не дѣлали изображеній его, не посвящали ему и кумирницъ, полагая, что смертные, одержимые всегда грѣховною немощію, не могутъ имѣть съ нимъ сообщеній, и въ нуждахъ обязаны относиться къ богамъ мѣньшимъ, которые, умиловляясь жертвами, всегда помогаютъ тому, кто добръ и честенъ въ мірѣ. Такимъ образомъ грубый умъ Зырянъ, блуждая во мракѣ невѣрія, имѣлъ самыя темныя понятія о божествѣ, и, почитая созданіе рукъ — идоловъ, думалъ, что многочисленность ихъ въ состояніи защитить человѣка отъ грозныхъ судьбинъ, неотвратимыхъ никакою человѣческою мудростію!

Лѣтописи сохранили для насъ имена двухъ идоловъ Зырянскихъ, которые мало извѣстны народу даже по преданіямъ, и Зыряне отрекаются отъ нихъ: названіе одного изъ идоловъ чисто Зырянское, это — «Войпель» — ночное ухо. * Можетъ быть, этотъ истуканъ считался бодрствующимъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ и защитникомъ народа. Другой назывался: «Золотая Баба»; ему приписывали чудесную силу волхвованій.** Идолъ «Юмаль» живѣе сохранился въ преданіяхъ народныхъ, и, какъ замѣтили мы выше, Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, какъ бранное, или пугливое, ужасающее.

Языческіе религиозные обряды Зырянъ почти вовсе неизвѣстны намъ. Знаемъ только, что совершеніе ихъ поручалось волхвамъ, пользовавшимся уваженіемъ суевѣрнаго народа за предсказанія въ будущемъ. Именемъ боговъ обуздывая своевольство грубыхъ собратьевъ, волхвы

---

* Грамота Митрополита Симона къ Пермьякамъ.

** Новгородскій лѣтописецъ подъ г. 1398.

хитростию и богатствомъ пріобрѣтали надъ ними власть, которая тѣмъ была тягостнѣе для Зырянъ, что они большую половину жертвъ употребляли въ свою пользу, и не рѣдко силою требовали новыхъ. Писатель житія св. Стефана говоритъ, что Зыряне, наследовавъ отъ предковъ простоту нравовъ, до введенія христіанской вѣры не пользовались выгодами правленія благоустроеннаго, не терпѣли ограниченій вольности, строго соблюдали древніе обычаи и преданія, и только въ опасностяхъ сходились на совѣтъ, гдѣ благоразуміе и справедливость часто уступали дерзости и насилію. Волхвовъ своихъ Зыряне не очень любили, но боялись и ненавидѣли: ибо присвоенная ими власть не только ограничивала свободу народа, но простиралась даже и на собственность.

М. Михайловъ.

